

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

В. Б. КАСЕВИЧ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2013

УДК 80/81
ББК 81
К 28

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

Касевич В. Б.

К 28 Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 192 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0538-3

В настоящем издании собраны труды видного российского лингвиста В. Б. Касевича, посвященные проблемам когнитивной лингвистики — интенсивно развивающейся отрасли современного языкознания. В разделах книги рассматриваются основные проблемы когнитивной лингвистики и на конкретных примерах демонстрируются особенности когнитивного подхода к исследованию вопросов, связанных с языком и мышлением, языком и психикой человека и т. п.

Для специалистов по общему языкознанию и всех интересующихся языком и мышлением человека.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0538-3

© Языки славянской культуры, 2013
© В. Б. Касевич, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Когнитивная лингвистика в контексте когнитивных наук	9
Когнитивные науки и междисциплинарность	11
Сфера когнитивности	14
Когнитивная лингвистика , когнитивная лингвистика или когнитивная лингвистика ?	17
Является ли лингвистика наукой? (по поводу статьи Жильбера Лазара)	19
И еще о когнитивной лингвистике	28
Картина мира и ее базисные категории	37
Пространство и время	38
Категоризация объектов действительности	49
Субъектно-объектные отношения	51
Языковые структуры и когнитивная деятельность	57
Язык и знание	68
Семантические примитивы: эмпирическая верификация, психологические и логические аспекты	85
Общие замечания	85
Семантические примитивы и экспериментальная верификация	87
Примитивы, семантика, перевод	94
Примитивы в контексте психологии	98
Примитивы в контексте логико-философских проблем	100
Заключение	103
Можно ли единожды войти в одну и ту же реку?	105
Системы пространственной ориентации и их отражение в языке	113
Апофатическая грамматика	123
<i>Грех</i> и <i>аффект</i> : некоторые проблемы семантики	128

Концепт «концепт»	135
Язык, телеология и теология	141
О межкатегориальных связях в языке	150
Системность языка и связи между категориями.	
Синтагматика и парадигматика	150
Инфинитив и императив	151
Императив и условность	154
Категории грамматики и категории словаря	158
Язык и культура	161
Вместо заключения	174
Список литературы	176

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тексты, которые вошли в эту небольшую книгу, достаточно разнородны. Даже формально: одни из них — это перепечатки, воспроизводящие, с минимальными изменениями, статьи или главы из книг, опубликованных ранее. Другие — доклады, с которыми автор выступал на различных конференциях, но печатать по тем или иным причинам не стал (по прошествии времени подчас трудно сказать, что это были за конференции и когда они проходили). Наконец, третьи написаны специально для данного издания. Если при разделе нет сведений о том, из какого издания это перепечатка, то мы имеем дело с переработанным для печати текстом доклада или с впервые публикуемым текстом.

Идея издания книги принадлежит Алексею Дмитриевичу Кошелеву, который посчитал, что имеющиеся публикации автора, рассматривающие когнитивистские и «околокогнитивистские» сюжеты, не устарели и есть смысл, объединив их, представить в виде отдельной книги.

Первой реакцией автора на предложение издателя было некоторое смущение: в наших работах высказывались сомнения в том, что когнитивная лингвистика вообще существует, и казалось не слишком последовательным посвящать книгу тому, в чьем существовании сомневаетесь. Однако, по размышлении была принята такая позиция: во-первых, когнитивная лингвистика несомненно существует как корпус публикаций и отражаемая этим корпусом концептуальная (когнитивная?) реальность. Во-вторых, существует ли — и, если да, то в каком статусе — когнитивная лингвистика — это вопрос, вообще говоря, гораздо менее важный и интересный по сравнению с теми проблемами, которыми реально занимаются когнитивные лингвисты: было бы абсолютно несправедливым утверждать, что большая часть из них погружена в исследование псевдovoпросов. Поэтому анализ текущего состояния когнитивной лингвистики — вполне, по-видимому, оправданное предприятие. Кроме анализа положений когнитивной лингвистики самого по себе, отдельные разделы книги посвящены иссле-

дованию частных вопросов, которые, как представляется, родственны тем, что изучаются когнитивными лингвистами.

Автор будет рад, если эта книга поспособствует прояснению статуса когнитивной лингвистики — чтобы это направление обрело собственную идентичность в кругу других течений лингвистической мысли. Или наоборот: если обсуждение покажет, что когнитивизм в языкознании фактически не составляет единого направления, а его — приемлемые — положения целесообразнее «распределить» между соответствующими «блоками» современной лингвистической науки.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНЫХ НАУК

Когнитивная лингвистика на дисциплинарной карте науки появилась сравнительно недавно, но уже успела занять достаточно прочные позиции и даже стать модной. Для многих престижность когнитивной лингвистики возрастает еще и потому, что она воспринимается как часть более обширной научной сферы — *когнитивной науки*.

Этому последнему понятию стоит уделить особое внимание. Говоря о когнитивной лингвистике как «части» когнитивной науки, мы оказываемся перед необходимостью каким-то образом эксплицировать это соотношение части и целого. Из имеющихся публикаций, на сегодня весьма многочисленных, не всегда можно понять, какому из возможных вариантов толкования следуют их авторы. Этих вариантов по меньшей мере три.

(1) Когнитивная лингвистика выделяется в силу своего рода разделения труда внутри когнитивной науки; иначе говоря, ситуация здесь примерно такая же, как в математике, где алгебра, геометрия и проч. в равной степени принадлежат математике, но у каждой свой «подпредмет» внутри этой последней. Важно заметить: при варианте (1) принимается (эксплицитно или имплицитно), что когнитивная наука (когнитивистика, если угодно) представляет собой **единую науку** — каковой является, например, та же математика при всей специфичности в ее границах алгебры, геометрии и т. д. (подробнее см. ниже).

(2) Когнитивной науки не существует, но есть **комплекс** (когнитивных) наук, объединенных сферой приложения («макрообъектом») примерно так же, как объединяются науки о человеке: скажем, этика и эргономика — весьма разнородные дисциплины, но есть все основания обе эти науки причислять к наукам о человеке, которые, конечно же, не составляют единой дисциплины — по крайней мере, на современной стадии развития науки. Когнитивная лингвистика — одна из когнитивных наук; составление полного перечня когнитивных наук — отдельная проблема (см. об этом ниже).

Третий вариант расщепляется на два подварианта — (3.1) и (3.2).

(3.1) Существует возможность сузить перечень когнитивных наук — например, ограничив его лингвистикой, психологией, логикой и, возможно, философией и предположив, что имеет место процесс конвергенции этих дисциплин, в итоге которой должна появиться на стыке указанных наук новая междисциплинарная наука (когнитивистика, когнитология), как в свое время на стыке биологии, химии и др. наук возникла новая дисциплина экология.

(3.2) Специфика данного подварианта определяется трактовкой соотношения когнитивной лингвистики и лингвистики как таковой. Можно полагать, что когнитивная лингвистика — это лингвистика на современном этапе ее развития. Тогда, при принятии (3.1), лингвистика должна с течением времени просто исчезнуть как самостоятельная дисциплина, растворившись в когнитивистике. Но можно исходить из того, что когнитивная лингвистика отнюдь не равновелика лингвистике — она занимается своим предметом в общем поле изучения языка и речевой деятельности, и надо только определить специфику этого предмета. Впрочем, и здесь возможны разные толкования: в одном случае когнитивная лингвистика выделяется именно предметом (подпредметом), из чего, очевидно, следует, что она «незаменима», в другом же когнитивная лингвистика — одна из соперничающих **школ**, которые в целом исследуют более или менее одну и ту же предметную область, но исходят при этом из разных подходов и предпосылок.

Практически при всех очерченных возможных подходах трактовка когнитивных наук как в комплексе, так и в более частных конфигурациях связана с понятием *междисциплинарности*, которое, соответственно, стоит обсудить отдельно.

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

В последнее время термин — а точнее, *слово* — «междисциплинарность» приобрел чрезвычайно широкое распространение, при этом сплошь и рядом это слово употребляется «всуе». Как почти всегда бывает в таких случаях, это свидетельство либо еще не сформировавшейся, либо уже в значительной степени выветрившейся семантики. Можно ли придать этому слову статус термина — достаточно эксплицитно очертить его семантику, исключив тем самым сферы, может быть и близкие, но не идентичные? Такая попытка имеет шансы на успех, если нам удастся обнаружить набор различительных признаков, которые удовлетворительно выделяют сферу междисциплинарности, *противопоставляя* ее «соседним» сферам. Желательно, наверное, чтобы при этом не было резкого расхождения с уже более или менее устоявшимися интуитивными представлениями о том, что собой представляет междисциплинарность. Точнее, нас интересует, что собой представляет *особая (относительно автономная) междисциплинарная наука*.

Будем исходить из традиционного положения о том, что автономность науки (научной дисциплины, сферы знания) определяется уникальностью предмета, метода и теории. Хотя на этот счет есть разные мнения, можно полагать, что автономная наука существует тогда, когда она строит *свою* теорию *ей* подведомственного предмета, исследуя при этом последний именно *ей* присущим методом (набором методов). Например, лингвистика исследует язык (ее предмет), создает *теорию*, объясняющую структуру языка и его функционирование, что дает возможность построения модели языка; при этом используются наборы специфических *методов*, которые могут сильно различаться в зависимости от школы (здесь мы вступаем в область различения парадигмальных / непарадигмальных наук). В чем специфика междисциплинарности: в предмете, методе, теории — или в уникальности всей триады?

Прежде всего, устаревшими можно считать взгляды, согласно которым мир естественным образом разделяется на сферы, подве-

домственные разным наукам; в действительности исследователь (сообщество исследователей) во многом самостоятельно устанавливает эти сферы, а, стало быть, предмет(ы) своих наук. Именно из этого и следует возможность «обнаружения» нового предмета — такого, которым прежде наука не занималась как относительно автономной сферой. Классические примеры — кибернетика, экология.

Вполне очевидно, что «новый» предмет требует создания собственной теории для его описания, объяснения, моделирования, для чего потребуются свой набор методов. Конечно, применение новых методов для исследования «старого» предмета само по себе может изменить его, поскольку меняет наше о нем представление — в конечном счете нашу теорию предмета. Но это все-таки создание новой конфигурации в старом поле исследования (вопрос о тождественности объекта / предмета самому себе имеет давнюю традицию обсуждения в философии, что составляет особую проблему).

Можно сказать, таким образом, что если междисциплинарность мы связываем с созданием новой науки, то последняя должна обладать признаками новизны в области как предмета, так и теории и метода. В то же время это условие необходимое, но не достаточное. Междисциплинарность, как это следует уже из внутренней формы слова, предполагает *сочетание разных наук* как своего источника. Представляется важным различать при этом мультидисциплинарность, трансдисциплинарность и междисциплинарность.

Мультидисциплинарность — это, собственно, многостороннее (средствами разных наук) исследование одного объекта, при выделении в нем разных *предметов* анализа. Например, проблема преступности (и, соответственно, изучение определенной популяции людей, чаще дисперсной) может изучаться с точки зрения биологии (генетики) и социологии (и т. д.), что и будет мультидисциплинарным исследованием, где каждая из наук-«участниц» в значительной степени сохраняет свою автономность. Мультидисциплинарность характеризуется *аддитивностью* наук, входящих в соответствующий комплекс; сочетание наук не создает нового качества. Входящие в комплекс науки объединены только (или преимущественно) объектом анализа.

Трансдисциплинарность можно усматривать в ситуации, когда использование одних и тех же (структурно, функционально) методов приводит к установлению *изоморфности* разных объектов. Например, в археологии использование радиоуглеродного метода для определения датировки вещественных источников органического происхождения способствует выяснению динамики развития материальной

культуры. В историческом языкознании на тех же принципах построен метод глоттохронологии, который позволяет определить время расхождения языков. В результате получаем ту же временную структуру эволюции общества. В случае трансдисциплинарности входящие в комплекс науки объединены только (или преимущественно) методом (методами) исследования. Возможно, теория сложных систем в ее приложении к разным объектам также относится скорее к трансдисциплинарным, нежели к междисциплинарным отраслям знания.

Главное отличие *междисциплинарности* видится в *неаддитивности* тех наук, на базе которых вырастает новая, междисциплинарная. Синтез приводит к новому качеству. Как уже упоминалось, классическими примерами можно считать экологию и кибернетику. Отправляясь от «биологических истоков» второй половины позапрошлого века, когда Э. Геккель впервые выделил экологию в качестве особой сферы, вбирая в свой арсенал представления химии, физики и других дисциплин, экология пришла к статусу относительно автономной науки, изучающей системы «живое вещество — среды различного типа». Сведение экологической проблематики к комплексу биологических, химических и прочих вопросов едва ли возможно. Аналогично кибернетика, опираясь на фактически открытое понятие информации и вбирая важнейшие положения логики, математики и иных дисциплин, стала бесспорно самостоятельной наукой, не сводимой к комплексу отдельных дисциплин.

Междисциплинарность, объединяя дисциплины одновременно по предмету, методу и теории, тем самым и создает новую науку. Иными словами, *междисциплинарность* — это *неодисциплинарность*, выросшая на стыке двух или более наук. Еще иначе можно сказать, что определение «междисциплинарная (наука)» относится к своего рода этимологии: с точки зрения современного состояния науки та же экология — «такая же» наука, как, скажем, химия, но ее происхождение — иное.

СФЕРА КОГНИТИВНОСТИ

Вернемся к вопросу, который в первом приближении уже затрагивался выше: насколько широка (или, напротив, узка) сфера, относящаяся к когнитивным наукам.

Хотя к настоящему времени (2012 г.) специальность «cognitive science(s)» представлена едва ли не в любом западном университете, сфера когнитивных наук вряд ли выступает как достаточно определенная. Иллюстрацией могут служить разночтения в различных источниках. Так, американский журнал «Cognitive Science» (как видим, здесь в единственном числе), который издается с 1982 года в Норвуде (Нью-Джерси), имеет подзаголовок: «A multidisciplinary journal of artificial intelligence, psychology, and language». В популярной ныне «Wikipedia» статья «Cognitive Science» (тоже, заметим, в единственном числе) дает гораздо более широкий перечень: лингвистика, обучение (education), нейронауки, искусственный интеллект, философия, антропология, психология. Между тем в очень основательном терминологическом словаре «The Oxford Companion to the Mind» ([Gregory 1987], под ред. К. Грегори при участии О. Зангвилла) термины «cognitive», «cognitive science(s)» вообще отсутствуют (хотя, заметим, к моменту опубликования указанного словаря уже 17 лет — с 1960 года — существовал Гарвардский центр когнитивных исследований, основанный Дж. Миллером и К. Брунером). Присутствует, однако, словарная статья «Cognition», где соответствующее понятие определяется как «the use or handling of knowledge».

Что же все-таки входит в когнитивные науки и чем они занимаются? Для ответа на этот вопрос полезно обратиться к истории понятия и термина.

Первыми употребили обозначение «когнитивный, когнитивная» психологи, которые поставили себя в оппозицию к бихевиоризму и необихевиоризму. Со временем, однако, с падением влияния (нео) бихевиоризма, едва ли не вся психология стала «когнитивной». Так, в предисловии к опубликованным материалам финско-советского симпозиума по когнитивной психологии (1987) говорится, что «ког-

нитивная психология включает в ядро своего предмета совокупность познавательных (ментальных) процессов — восприятие, память, мышление, представление»; кажется очевидным, что здесь перечислены обычные разделы традиционной психологии. Естественно считать, что именно психология и выступает ядром «когнитивных наук».

Какие еще науки есть основания причислять к когнитивным? Вернемся к списку, который дает «Wikipedia»¹.

Трудно усомниться в правомерности отнесения к разряду когнитивных наук лингвистики (по крайней мере, в том ее «изводе», который представлен когнитивной лингвистикой). Теории обучения / научения также с достаточной очевидностью носят когнитивный характер (хотя их реже всего относят к когнитивистике): обучение / научение есть приобретение знаний (информации), оперирование которыми и составляет суть процессов, «подведомственных» когнитивным наукам.

Несмотря на сложившуюся традицию, совсем не очевидна оправданность включения в сферу когнитивных наук такой области, как искусственный интеллект. Это — прикладная наука, а не фундаментальная, она заключается в моделировании структуры и деятельности интеллекта естественного. Предположим, что мы достигли максимально возможного успеха в построении системы искусственного интеллекта, так что она изоморфна и изофункциональна своему естественному прототипу. В чем тогда будет смысл раздельного изучения искусственного и естественного интеллекта?

Нейронауки изучают не столько самое когнитивную деятельность, сколько ее материальный субстрат, поэтому и здесь причисление данной сферы к области когнитивных наук лишает эту область необходимой гомогенности.

Не вполне ясен вопрос с антропологией. Как минимум, ясно, что не может включаться в когнитивный свод **вся** антропология; явно останется вне этого свода антропология биологическая.

Наконец, едва ли может войти куда бы то ни было в области когнитивистики в качестве подчиненного таксона философия. Философия есть либо философствование — культура размышления относительно базовых, конечных проблем бытия и мышления, либо аппарат для «прояснения мыслей»: «Философия не является одной из

¹ Характерно, что фундаментальное (двухтомное) издание «Когнитивная наука» Б. М. Величковского (2006) имеет подзаголовок «Основы психологии познания».

наук. <...> Цель философии — логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии не “философские предложения”, а достигнутая ясность предложений. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» [Витгенштейн 1994: 24, 4.111—4.112].

Подведем предварительные итоги. Нет оснований говорить о *когнитивной науке* — логичнее признать существование некоторого множества *когнитивных наук*, куда входят психология, лингвистика, теория обучения. Разумеется, список нельзя считать закрытым; на членство могут претендовать такие дисциплины, как теория принятия решений, теория речевого воздействия, теория аргументации, конфликтология и др. Все эти дисциплины объединяются тем, что они имеют дело с исследованием процессов обработки и представления информации — формирования, приобретения и хранения, передачи, утраты знаний, оперирования знаниями.

Может возникнуть еще один вопрос: чем так понимаемая когнитивистика отличается от кибернетики. Г. Н. Поваров, автор предисловия к русскому переводу «Кибернетики» Н. Винера, пишет: «Основной тезис книги — подобие процессов управления в машинах, живых организмах и обществах, будь то общества животных (муравейник) или человеческие. Процессы эти суть прежде всего процессы *передачи, хранения и переработки информации* (курсив автора. — В. К.)» [Поваров 1983]. Возможно, разница лишь в акцентах: кибернетика акцентирует *процессы управления*, основанные на результатах переработки информации (ведь полное название знаменитой книги Винера — «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине»)², когнитивистика же — сами по себе процессы переработки информации безотносительно к их использованию в целях управления. В определенном смысле когнитивистика нарративна, а кибернетика преимущественно императивна.

В целом возникает впечатление, что когнитивные науки движутся в направлении от мультидисциплинарности к междисциплинарности, т. е. от комплекса наук к единой новой науке, которой пока нет. Одновременно это путь слияния с кибернетикой, которая, вобрав когнитивистику, должна приобрести несколько иной вид. Какой именно — это отдельная тема.

² Оставляем в стороне не только машинные системы, перерабатывающие информацию (об этом см. выше), но и процессы «управления и связи в животном».